

Глава одиннадцатая

Это безответная любовь (II)

— Астина!

Каштановые волосы развевались на ветру, и Астина аккуратно убрала прядь Канны, что так и лезла ей в лицо. Имя Астины повторялось раз за разом, пока плечо ее намокало от слез. Она нежно погладила спину сестры и спокойно отстранилась.

От ощущения этой мягкой, но решительной силы Канна невольно отступила. Поколебавшись лишь миг, она схватила Астину за руки и принялась внимательно изучать ее лицо.

— Ты не пострадала? С тобой все в порядке? Хорошо спишь? А что насчет еды?..

Увидев совершенно здоровую — более того, даже сияющую по сравнению со временем в академии Астину, — Канна растерянно умолкла.

— С питанием... видимо, все в порядке.

Чувства Канны были идентичны тем, что испытал Бенджамин, когда увидел Астину в поместье эрцгерцога. Словно насмехаясь над беспокойством старшей сестры, лишившейся сна,

Астина выглядела просто прекрасно. Меньше всего она походила сейчас на несчастную невесту, проданную чудовищу.

Хотя слухи о снятии проклятия с эрцгерцога дошли даже до столицы, семья графа Лете все равно пребывала в сомнениях, опасаясь, что напрасные надежды приведут к еще большему разочарованию. Чтобы убедиться в правдивости услышанного, мать Астины отправила в поместье эрцгерцога письмо, для которого тщательно подбирала слова. Вступление было долгим, заключение многословным, но суть сводилась к одному: «Неужели эрцгерцог и правда стал человеком?»

Письмо графини прибыло в последний момент — за день до отъезда эрцгерцогской четы из Аталленты. У Астины оставалось мало времени, поэтому она отправила матери лишь короткую записку. Ответ на большое письмо, полное сомнений, был до неприличия лаконичен:

Его высочество снова стал человеком. Увидимся в столице.

Естественно, родители попытались выяснить подробности, но во время путешествия связаться с Астиной было невозможно. К счастью, они и сами как раз приехали в столицу на прием. Поэтому, как только графиня Лете узнала о прибытии эрцгерцогской четы, то немедленно отправила к ним посыльного. В итоге устроить их встречу не составило особого труда.

Астина уже успокоила родителей с заметно покрасневшими глазами, теперь на очереди была заплаканная Канна. Териод же, видимо, решив, что разговор сестер по душам затянется, пригласил графскую чету прогуляться с ним. Сперва они настороженно взглянули на него, словно опасаясь, что Териод вот-вот опять обратится в чудовище, но уже в следующее мгновение, словно зачарованные, последовали за ним. Эрцгерцог, безусловно, был притягательным мужчиной. По крайней мере внешне.

Шумно высморкавшись, Канна с упрёком произнесла:

— Почему ты не писала?

— Была занята.

Астина не шутила. До того инцидента с вассалами Аталлентами они с сестрой несколько раз обменивались новостями, но вскоре их общение постепенно сошло на нет. Накопившиеся дела эрцгерцогства не оставляли Астине времени даже на чаепитие — у нее просто не было сил думать о родительском доме.

Изначально брак с Териодом был заключен по расчету, но после череды событий их отношения изменились. Как минимум Астине больше не нужно было избегать мужа. Хотя снять проклятие полностью им все еще не удалось и половину дня Териоду приходилось проводить в обличии зверя, для стороннего наблюдателя он ничем не отличался от прежнего безупречного эрцгерцога.

Больше всего Астину, как ни странно, беспокоили родители, которые непременно обрадуются изменению, произошедшим с эрцгерцогом. Она хотела скрывать свои намерения до тех пор, пока планы не прояснятся, чтобы личное мнение супругов Лете не вмешивалось в это дело. Но после скандала в Веллуа ее усилия оказались напрасными.

Астина не хотела продолжать обсуждение неловкой темы, поэтому перевела стрелки на сестру:

— А ты так и не прислала мне шоколад. Вместо него приехал Хиссен, которого я даже не звала.

— Сэра Хиссена прислали родители. У меня тогда совсем не было времени из-за учебы. К тому же стоял сезон дождей — трудно было отправить что-то с посыльным, а еще...

— Еще?

— Не дави на меня так. Это не моя вина, говорю же. Хозяин магазина, оказывается, ушел в длительный отпуск.

— И все еще не вернулся?

— По слухам, он не вернется до конца февраля.

— Как жаль. Половина причин, по которой я приехала сюда, исчезла, — Астина разочарованно цокнула языком.

Канна не преминула поддеть сестру:

— А в чем заключалась вторая половина?

— Конечно же, я хотела увидеть семью, по которой скучала. Астина без труда вычеркнула из списка приоритетов участие в празднике урожая. Улыбнувшись, Канна подошла к ней и села рядом. Астина в ответ мягко сжала руку сестры. Они виделись впервые с тех пор, как Астина покинула академию.

— И я скучала, — сказала Канна.

— Конечно.

Канна издала что-то среднее между смешком и возмущенным фырканьем, услышав такой самоуверенный ответ.

— Моя сестренка совершенно не дает проявить нежные чувства. Как ты жила все это время?

— Неплохо.

— Как эрцгерцог снова стал человеком? Неужели слухи не врали и все это из-за судьбоносной любви или чего-то в этом роде?

Астина на мгновение представила лицо Териода, и на ее губах мелькнула улыбка. Было время, когда она, заблуждаясь, считала своей судьбой человека с теми же чертами.

— Если убрать весь пафос про судьбу, то это действительно недалеко от правды. Эрцгерцог вернул человеческий облик благодаря поцелую.

— До сих пор не верится. То есть я не имею в виду, что желала эрцгерцогу всю жизнь оставаться в том виде...

— Я и не думала о таком, — спокойно ответила Астина.

Канна с трудом кивнула.

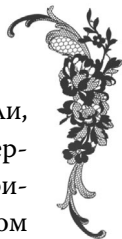
— Да, верно. Когда я узнала, что с тобой все в порядке и что эрцгерцог вернулся... Мне показалось, что я сплю.

Словно не веря, Канна ущипнула Астину за руку. Та удивленно приподняла бровь.

— Что, больно?

Астина ответила Канне щипком той же силы — сестра вскрикнула и в испуге отпрянула. Астине показалось, что она только притворяется, что все в порядке, пытается держать лицо.

— Канна, — позвала Астина с нежной улыбкой. — Я же говорила, что со мной все будет хорошо.

Канна открыла рот, пытаясь что-то ответить, но слова не шли, как она ни старалась. Вскоре она не выдержала и в попытке сдержать подступающие к горлу слезы и охватившие ее чувства прикусила нижнюю губу. Астина понимала, что сказала слишком много для ранимой Канны при их прошлом расставании. Но вместо того чтобы добавить что-то обнадеживающее, лишь крепко сжала руку сестры.

Голос Канны задрожал:

— Я хотела верить, но не верила. И это было невыносимо больно.

Не убирая свою ладонь из рук Астины, Канна вытерла мокрую щеку плечом. Астина была уверена, что она льет слезы не впервые: совесть Канны наверняка не раз заставляла ее плакать в подушку, пока та не пропитывалась слезами полнотью.

— Это я виновата, Канна.

— Верно, ты виновата. Ты постоянно вынуждаешь меня чувствовать себя никудышной сестрой, эгоистка.

Астина вспомнила о том, как заставила всех волноваться в Веллуа. Она всегда придавала больше значения результату, нежели чувствам окружающих ее людей. Но иногда приходится выбирать меньшее зло, и она не собиралась менять привычки.

Однако теперь Астина понимала, почему Артур взбесился из-за шрама на ее руке, почему испугалась Джесси, напоминавшая в тот момент своей бледностью скорее труп, чем живого человека, и почему так встревожился Териод, поставивший из-за этого соседние владения на уши. В конце концов, даже если ее план увенчался успехом, то это не делало неоправданным их беспокойство. Поэтому Астина понимала и принимала боль Канны.

— Знаю, мне не следовало так поступать.

Вопреки попыткам Астины успокоить сестру, глаза той все больше наполнялись слезами. Канна с растерянным выражением лица рассматривала свои пальцы, не в силах взглянуть на Астину. Даже в такой момент ее младшая сестренка

успокаивала ее и вела себя более взросло, чем она сама. Канна отчаянно всхлипнула:

— Прости.

Астина молчала, давая сестре выговориться.

— Прости, что сбежала. Астина, я так хотела сказать тебе это в лицо. На самом деле это я плохая, и я виновата во всем. Мне было так страшно, что я предала тебя, — выпалила Канна слова, которые так долго держала в себе.

Астина попыталась сказать что-то в ответ, но Канна опередила ее. Она выдавила подобие улыбки:

— Знаешь, я даже на миг обрадовалась: хорошо, что не мне умирать. Как же трусливо с моей стороны! Но когда я отправила тебя туда, я так себя возненавидела, что хотелось умереть.

Когда Астина прибыла в Аталленту, в письмах к Канне она рассказывала лишь о бессмысленных повседневных мелочах, боясь, что сестра погрязнет в самобичевании.

Канна с детства была ранимой. Даже сейчас, слушая исповедь сестры, Астина вытирала ее щеки от слез. И любила ее такой, какая она есть. Закаленный характер Астины прекрасно дополняла душевная чистота Канны. И в том, на что Канне не хватало смелости, Астина охотно могла взять инициативу на себя, ведь ради нее она готова была пожертвовать всем. Если это и есть связь между сестрами, то узы, пожалуй, не так уж плохи.

— Ты ведь говорила, что нельзя жить, отказавшись от чести.

— Это были глупые слова. Какой смысл в чести, которую я сама не защитила? — возразила Канна со слезами в голосе. Она считала себя лицемеркой, ведь сохранила свои принципы ценой жизни другого человека.

На полный протеста ответ Канны Астина усмехнулась:

— Верно. В этом нет смысла. Я считаю, жизнь важнее репутации.

— Тогда... почему ты поехала в эрцгерцогство вместо меня?

Глядя Канне в глаза, Астина ответила:

— Потому что я хотела защитить не честь сестры, а сестру, которая ценит честь.

Канна вспомнила себя в тот день, когда твердила, что поедет в Аталленту. Она приняла свою участь и пошла на это ради чести семьи. Астина же сделала это ради сестры-трусихи.

Канна всхлипнула. И вскоре, давая волю чувствам, которые уже давно копились в душе, разрыдалась как ребенок. Астина молча обняла ее. Она вспомнила последнюю ночь в общежитии, тогда Канна так же не переставала рыдать на ее плече. И хотя руки ее дрожали от страха, Канна все же изо всех сил пыталась достойно встретить надвигающийся конец.

Сестра по-прежнему была маленькой и худенькой, такой же хрупкой, как и раньше, — но ведь сила человека не ограничивается лишь мощностью тела. Сердце Астины кольнуло, когда она заметила, что лицо Канны с некогда мягкими детскими щечками приобрело совсем взрослые черты. Настоящей близости с Канной ей было не обрести — память о прошлой жизни не давала Астине ощутить сестринскую связь в полной мере. Но разве это мешало защитить то детское, что в ней осталось? Сделать так, чтобы Канна могла быть свободной немного дольше и ощущала себя чуть счастливее.

— Не плачь. Ты что, собираешься предстать перед эрцгерцогом в таком виде? — пошутила Астина, пытаясь разрядить обстановку.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Териод оставил их наедине, и Астина подняла голову, чтобы взглянуть на часы. Она подумала, что Канне было бы неловко предстать перед ним в таком виде.

В тот же миг раздался деликатный стук в дверь.

— Дорогая, это я. Я могу войти? — Послышался голос Териода.

Астина собиралась было отказать, чтобы он не увидел плачущую Канну. Но не успела она открыть рот, как сестра схватила ее за руку и, заикаясь, попросила:

— Ск-скажи, чтобы вошел.

— Входите, эрцгерцог.

Дверь тут же открылась. Увидев заплаканное лицо Канны, Териод растерялся и замер на пороге. Мгновение спустя он осторожно спросил:

— Кажется, я помешал вашему разговору. Мне выйти?

Но прежде чем Астина успела ответить, Канна покачала головой.

— М-мне н-нужно что-то ск-сказать, ваше высочество.

— Да, слушаю вас.

Териод подошел к Канне и опустился перед ней на колени, протянув платок. Канна секунду поколебалась, но, вняв здравому смыслу, приняла его. Для нормального разговора ей и правда сперва нужно было вытереть слезы. Внезапно обычно щепетильная в вопросах этикета Канна крепко зажмурилась и оглушительно высморкалась. Кажется, ее благородное воспитание на мгновение умерло. Достоинство достоинством, но шмыгающий нос — это уже перебор.

Тяжело дыша, Канна обратилась к Териоду:

— В-ваше высочество.

Из-за непрекращающегося плача прерывистые слова Канны было очень трудно разобрать. Видимо, страдая от этого и сама, Канна ударила себя кулаком по груди. Растерянный Териод остановил ее:

— Говорите не спеша, я слушаю.

— М-мне хочется кое-что сп-спросить. Вы с-собираетесь быть в-верным семье? То е-есть б-будете ли вы хорошо о-относиться к супруге, я с-спрашиваю.

Териод растерянно обернулся к Астине. Она вздохнула и вмешалась:

— Вам не нужно отвечать, ваша светлость. Канна, не ставь его высочество в неловкое положение.

— Я с-спросила у эрцгерцога. Пожалуйста, ответьте, ваше высочество.

Несмотря на попытки сестры остановить ее, Канна с крайне напряженным видом ждала ответа. Внезапно Териод заговорил:

— Э-э-э...

Он не отрывал взгляда от Астины. В тот момент она подумала, что его глаза странным образом излучали тепло, хотя нет цвета холоднее синего. Астина снова попыталась одернуть Канну, но ответ Териода прозвучал быстрее:

— Да, она самый дорогой человек для меня.

Услышав неожиданный ответ, Астина вздрогнула. Не слишком ли много она требовала от эрцгерцога? Ему не стоило так изощряться ради сестры фальшивой жены. С чувством, что обременила его, она пристально посмотрела в лицо эрцгерцога, но он выглядел совершенно невозмутимым, будто не лгал.

Канна слышала приукрашенную историю их любви и потому, похоже, поверила словам Териода. Она с явным облегчением продолжила:

— А-Астина — стр-странная. Но ес-сли она привяжется, то это на-насовсем, и к с-своим людям, — Канна кашлянула, — она действительно добра.

— Я знаю. Она и ко мне относится с нежностью, хотя я этого не заслуживаю. — Териод смотрел на Канну с абсолютно серьезным видом.

Словно доказывая, что внимательно относится и к ней, и к ее сестре, он искренне отвечал на каждое ее высказывание. Астина слушала их разговор и, кажется, единственная не понимала, что происходит и как до этого дошло. Ведь она совершенно не помнила, чтобы вела себя с Териодом так нежно, как он описывает.

— Она о-очень л-любит книги. И учится хорошо, и г-готовит тоже хорошо. Почти н-нет того, чего она не умеет. Поэтому кажется, что она одна, — Канна всхлипнула, — со всем справится...

Видимо, поперхнувшись, она кашлянула. Глядя на Териода полными слез глазами, Канна покачала головой.

— Но все-таки не оставляйте ее одну. Мы, с-сестры, всегда были вместе. Мне было так, так одиноко, когда Астина ушла. В-ваше высочество, пожа-луйста, п-помогите ей жить х-хорошо, чтобы она не чувствовала себя так же.

— Хорошо. Я обязательно о ней позабочусь.

— И если, — Канна всхлипнула, — если вы огорчите мою сестренку, я не оставляю это б-безнаказанным.

Канна вытаращила на него глаза с таким грозным видом, на какой только была способна. Териод, судя по легкой улыбке, еле сдерживался, но торжественно приложил руку к сердцу, словно давая клятву. Видимо, клялся бояться ее до конца своих дней.

— Клянусь честью Аталлента. Я сделаю все, чтобы моя супруга никогда не проливала слез.

— Спасибо...

После заверений Териода Канна, казалось, наконец немного успокоилась. На лице Астины, наблюдавшей за этим, появилась улыбка. Канна лишь сейчас смущенно осознала, как выглядит, и спрятала заплаканное лицо, низко опустив голову. Астина нежно погладила ее по спине и спросила Териода:

— Как родители?

— После разговора я проводил их в комнату. Я бы хотел, чтобы они остановились у нас на несколько дней. Разве не лучше, чтобы они жили не в гостинице, а здесь, с дочерью и зятем?

— Спасибо за заботу.

Но едва Астина ответила, как лицо ее помрачнело. Она поднялась и сделала вид, что направляется к окну, Териод послушно последовал за ней. Когда между ними и Канной образовалась безопасная дистанция, Астина вполголоса спросила:

— Они не наговорили ничего лишнего?

— Кто? — невинно уточнил Териод.

— Мои родители. Вам, эрцгерцогу. Что-то в духе «позаботьтесь о дочери» или «мы на вас рассчитываем»?

— Ну-у...

— «Ну-у» — это да или нет?

— Конечно, да. И я, разумеется, поклялся заботиться о вас до конца своих дней, — Териод насмешливо прищурился.

Астина открыла было рот, чтобы отчитать его за легкомыслие, но в итоге лишь махнула рукой и тяжело вздохнула.

Какой в этом смысл? Просчиталась она сама — и довольно глупо. Эрцгерцог с самого начала был категорически против развода. А она не могла уйти, не сняв с него проклятие полностью. И похоже, с течением времени на нее будет сваливаться все больше дел. Жизнь налаживается, ничего не скажешь.

— Ваша сестра, наверное, не захочет сейчас выходить из дома...

— А у нас были какие-то планы?

Услышав удивление в ее голосе, Териод расплылся в самодовольной улыбке.

— Я приготовил кое-что особенное для двух прекрасных леди. Вам интересно? — С этими словами он распахнул шторы, выпуская в комнату солнечный свет и открывая вид на улицу.

У входа в особняк ждала роскошная карета — из тех, что сами кричат о своей цене. Белая лошадь с лоснящейся шерстью явно жила лучше половины населения столицы. Канна с любопытством подошла к ним, ахнула и восторженно хлопнула Астину по плечу. На ее лице читался нескрываемый интерес. Притворяться было бесполезно.

— Раз уж сестры встретились после долгой разлуки, почему бы не провести время по-настоящему весело? В столице, где от безделья изнывает вся аристократия, хватает развлечений. Можно отлично поесть, пройтись по лавкам или посмотреть какой-нибудь спектакль.

— Больше похоже на королевский кортеж, чем на прогулку, — растерянно заметила Астина.

Териод галантно поцеловал ее руку. Астина на секунду смутилась и отвела взгляд.

— Кажется, вы уже привыкли к подобным сценам.

Она шагнула ближе и, приподнявшись на цыпочки, тихо шепнула ему на ухо:

— Это чересчур даже для спектакля перед моей семьей, эрцгерцог.

— Зато убедительно, дорогая, — с легкой усмешкой едва слышно ответил Териод, и его губы скользнули по ее щеке — легкое, почти невесомое прикосновение.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

